

...1945-й ОСЕНЬ... «Ительмен», тяжело отдохнувший после трудного пути, встал на рейде. Продолжительным гудком он навестил ичичинов о своем приходе.

Смерналось. Весь день спокойное море к вечеру стало хмуриться и, как будто договорившись с юго-восточным «курилкой» вступило с ним «в игру». Вдальдеке, на горизонте, вырисовывалась панорама поселка: дома на берегу казались одинакового роста, возвышался только корпус крабоконсервного завода. Горизонт искрился сотнями лампочек, разбросанных по всему берегу. Вся эта гирлянда огней отражалась в море, остро пахнущем ветром и рыбой.

Через два часа в заводском клубе должен был начаться спектакль. Артисты торопились. Вместе с двумя рабочими и универсальным Колей-электриком, помрежем, ездовым и мастером еще многих театральных профессий, начали выгружать на приставший к борту океанского судна маленький кунгас. Помогали матросы «Ительмена».

Кунгас на морской зыби переваливался. Гуляла волна. Капитан судна поставил его так, чтобы прикрыть людей. Но волны и ветер были все-таки сильными. Решили минуты... Олабоченный шкипер, сравнительно молодой, но, видно, опытный мореплаватель, плечистый, с мужественным обветренным лицом, покрикивал:

— Побыстрее, побыстрее, товарищи артисты! Море шалить начинается... «Курилка» задул!

— А ну-ка, помогите артистам, женщинам помогите — через секунду кричал он уже пареньку-матросу с быстрыми глазами, в которых светилось что-то похожее и на восхищение, и на

удивление одновременно. Наверное, он был одним из тех, кто с детства мечтает о море.

...Перегрузили ящики с реквизитом и костюмами. Женщины со вадами и легкими выкриками, подхватываемые матросами, перепрыгивали со

нительно подбрасывали корму кунгаса вверх, казалось, к самым звездам, то резко опускали вниз. Разыгрывался шторм. — К берегу не подойдем! Выбросит! — раздался голос старшины катера. — Придется возвращаться к пароходу! Планало

но благополучно. Храбростью поражала Прасковья Михайловна Таванцева — заслуженная артистка республики, замечательный человек, Ася (так звали ее товарищи) пропустила перед собой почти всех, подбадривая каждого шуткой, теп-

...На утро море утихло. Рассвет золотил спокойные волны, и чайки стаими пронеслись над головами.

Спали плохо. Родионов, Ломанин, как по команде, вышли на палубу.

— Срывать гастролы нельзя, — сказал Константин Дмитриевич Родионов, — будем играть в своих костюмах.

Директор театра Г. Н. Гловатский связался с обкомом партии. Решено было, что самолет АКО, пилотируемый летчиком Жигалевым, спецрейсом привезет новый реквизит, костюмы.

А пока... Артисты высадились на берег, и вечером этого же дня в переполненном клубе играли «Модную лавку» И. А. Крылова. Гусарские костюмы были успешно заменены гимнастерками пограничников. Для убедительности пришлось спорить петлицы. Женщины поселка принесли чашки, ложки, раскрыли домашние сумки, достали длинные юбки, кофты с оборками, старые полушляпки. Ичичинские медики не пожалели для такого случая метров двадцать марли. На все руки мастер, Родионов принял на себя руководство постановочно-технической частью.

Трудно сказать: приходилось ли когда-либо актерам играть в таких сложных, предлагаемых обстоятельствах. Наверное, нет... Но играли они в этот вечер, согреты теплом и заботами зрителей, как никогда, вдохновенно. Они видели, как нужен их спектакль, как велика и горяча в людях тяга к искусству.

...А к следующему спектаклю привезли костюмы, и гастрольный путь был продолжен.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

ТЕАТР накануне нового сезона. И нынешнее лето, как почти каждое из прошедших 34, театр провел на гастролях. Сколько было за время этих поездок происшествий, сколько встреч...

Рейсовыми самолетами, пересекающими полуостров во всех направлениях, на регулярно курсирующих комфортабельных теплоходах, в автобусах движутся актеры, работники художественно-постановочной части, театральные администраторы с юга на север и с запада на восток Камчатки. Это теперь. Но когда-то... Нынче, когда мы воскрешаем события пережитого, хочется рассказать об одном из многих случаев походной актерской жизни.

шторм-трапа на кунгас. За ними перебирались мужчины. Последним этот рубеж легко преодолел вездесущий ездовой Коля.

Теперь можно было отходить от борта парохода. Мужчины подняли воротники своих «выездных» пальто и плащей. Женщины покрепче затянули платки и прижались друг к другу. Вспыхивали и гасли огоньки папирос. В подобных обстоятельствах всегда хочется закуричь: кажется, что от табачного дыма и огонька теплее и уютнее.

Мотор застучал, потом загрохотал... Катерон задрожал, как в якорячке, резко развернулся и ринулся в сторону берега, таща на буксире кунгас.

А море взбушевалось не на шутку. Высокие волны то стре-

сегодня ваше представление!

...И тут, как бы в подтверждение этих слов, на береговой мачте появился запрет подхода. А оставалось всего каких-то 500 метров... Судно развернулось на 180 градусов и направилось назад.

А у «Ительмена» артисты ждали новые неприятности: двенадцатиметровый шторм-трап. Цирковых артистов, может быть, и не смутили бы подобные восхождения, но драматических...

От артистов требовалась ловкость матросов. В мгновение, когда кунгас прижмался к борту судна, нужно было поймать канат шторм-трапа и перескочить на него. Промаях грозил серьезной бедой.

Перебрался все-таки доволь-

лым словом, а то и острым замечанием. И когда очередь дошла до последнего служителя Мельпомены, волна захлестнула его по самый пояс. Кунгас наполнился водой. Выручили актера матросы.

Оставляли ящики с реквизитом и костюмами. Внизу матросы, а наверху артисты приготовились к перегрузке имущества. Но... произошло неожиданное. Волна подхватила ящики и в мгновение ока сбросила в море. Сначала они, как бы не желая сдаться, боролись с волнами, но «силы» были слишком неравны...

Крики взволнованных актеров мгновенно сменились общим молчанием: произошло непоправимое! Гастролы срывались.